

октябре 1910 г. возмущение общественности вызвала попытка товарища прокурора Томска ввести суд присяжных в заблуждение. Он сказал присяжным: «Ввиду ясности факта виновности обвиняемых, их оправдать ни в коем случае нельзя, т. к. право помилования есть прерогатива только монарха». Присяжные заседатели обратились к председателю суда за разъяснениями своих прав, а получив их, вынесли оправдательный вердикт⁶⁹.

Деятельность института присяжных заседателей в дореволюционной Сибири имела свою особенность. Он выносил больше приговоров об осуждении, нежели в других регионах⁷⁰. Можно только предполагать, с чем связана повышенная репрессивность сибирского института присяжных заседателей. Возможно, она была вызвана некачественной защитой на судебных процессах. Защитниками часто выступали мелкие канцелярские служащие, сопровождавшие суд в его разъездах. Речи этих «казенных» адвокатов бывали на редкость короткими и малоубедительными: «Прошу снисхождения» или «прошу оправдать»⁷¹. При подобной судебной защите, естественно, карательная сила суда возрастала. Вместе с тем, современники часто указывали на особую жестокость преступлений в Сибири⁷². Возможно, повышенная репрессивность была своеобразным ответом суда присяжных на вызов криминального мира.

Несмотря на определенные проблемы, вставшие перед институтом присяжных заседателей, он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. В Сибири, в отличие от остальной России, не нашлось противников «суда общественной совести». Не удастся обнаружить ни одного негативного отклика в его адрес. Сибиряки были убеждены, что более «высокого и лучшего суда, наиболее удовлетворяющего население, не существует»⁷³.

О. Н. Бортникова

НИКОЛАЙ ЛУКИЧ СКАЛОЗУБОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ

История Тобольского тюремного замка включает немало страниц, связанных с политической ссылкой, через которую в различные периоды прошли десятки людей, известных всей стране. В 1906 г. одним из таких узников стал Николай Лукич Скалозубов — губернский агроном, ученый, «консерватор» Тобольского музея, известный общественный деятель и правозащитник, будущий депутат III Государственной Думы.

⁶⁹ Томская хроника. В судебном мире // Сибирские отголоски. 1910. 26 октября.

⁷⁰ См.: Мокринский С. П. Указ. соч. С. 151.

⁷¹ И. Т. На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. № 11–12. С. 25–26.

⁷² См., например: Литовицин А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 27–35.

⁷³ ТФГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 153.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

13. бояр. кн. **Куракин Иван Семенович** (1616–1620), **Куракин Иван Семенович** (?–1632), князь, боярин, тобольский воевода (1616–20). Происходил из княжеского рода потомков Гедиминовичей. В 1601 — стольник. В янв. 1606 назначен воеводой и наместником в Смоленск. Видный чл. боярской группировки, кр. возвел на престол Василия Шуйского (1606); был среди бояр, требовавших ограничения царской власти. В 1607–08 командовал отрядом, успешно действовавшим против войск Лжедмитрия II, весной 1608 разбил войска одного из военачальников «тушинского вора» польско-

Н. Л. Скалозубов

¹ Вольный съезд крестьян Тобольского уезда, состоявшийся 15–17 дек. 1905 г., был организован с согласия тобольского губернатора А. П. Лаппо-Старженецкого Н. Л. Скалозубовым, А. Н. Ушаковым, Л. С. Вильковским и др. лицами из круга местной демократической и либеральной интеллигенции. Организаторы оказали большое влияние на характер и содержание принятых съездом резолюций. Подавляющим большинством голосов делегаты высказались за национализацию всей земли и последующее уравнительное землепользование, за передачу всех лесов в общенародную собственность, за возвращение крестьянам рыбных водоемов, болот и кедровников, захваченных в последние десятилетия казной и монастырями, за введение единого для всех подоходного налога, за бессловесный суд и

Арестованный за организацию в декабре 1905 г. вольного крестьянского съезда в Тобольске¹, Скалозубов как подследственный заключенный провел в стенах замка 49 дней, которые наложили неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. Тобольская тюрьма продолжала довлеть над ним и после освобождения: в течение многих лет Николай Лукич был вынужден обращаться к «тюремной» проблеме то в качестве депутата, то правозащитника, то просто тоболяка, а его имя и влияние пытались использовать политзаключенные-террористы для реализации собственных клановых интересов.

Эта длительная и во многом запутанная история началась 19 января 1906 г. с постановления об аресте Н. Л. Скалозубова на основании агентурных данных о его неблагонадежности. Ночью 20 января ученый был помещен в одиночную камеру тюрьмы. Вслед за ним в тюремный замок были доставлены старший чиновник поземельно-устроительного отряда А. Н. Ушаков, бывший мировой судья А. А. Лещинский и несколько других единомышленников — всего 12 человек².

Имея официальный статус политических заключенных, все они были размещены в соответствующем отделении тюрьмы. На них распространялись принятые ограничения относительно свиданий, переписки, чтения. К примеру, «на руках» нельзя было иметь более трех книг одновременно. Здесь же произошло знакомство Скалозубова с тюремной коммуной политзаключенных. Группа профессиональных революционеров, в основном эсеров-террористов, пыталась диктовать администрации собственные условия пребывания в тюрьме. Неповиновение, бойкоты, митинги и т. п. рассматривались ими как часть борьбы против государственного строя России, причем каждый вновь прибывший «политик» обязан был следовать этим неформальным предписаниям. Такой порядок серьезно осложнял тюремную жизнь агронома, у которого были собственные взгляды на то, чем заниматься в условиях заключения.

Арестантская жизнь Скалозубова — именно та страница его биографии, которая как нельзя лучше характеризует жизненные принципы ученого. Следуя правилу «не терять даром золотого времени», он за семь недель заключения написал работу о сибирской березе, ее экологических разновидностях. Кроме этого, выполнил часть исследовательской работы с пшеницей, впоследствии ставшей селекционными сортами Ц III и М 321. В условиях арестантского «самоуправления» он просил семью и друзей передавать ему книги и образцы злаков, чем вызывал непонимание и даже раздражение у многих «политических», приверженных идее активного сопротивления тюремному режиму. Кроме этого, в качестве помощника он привлек арестованного вместе с ним И. Я. Уфимцева, хотя сотрудничество осложнялось тем, что они находились в разных камерах. Однако лучше всего условия работы Н. Л. Скалозубова характеризуют выдержки из его писем жене Ариадне Васильевне, приведенные ниже³.

«25.01.1906 г. Тобольская тюрьма. Дорогая Арочка! Соловьева третий том получил, равно бумагу... Постарайся, пожалуйста, доставить мне Кернера второй том, материалы к ботаническому словарю (что в конверте в моей конторке), клею с кисточкой, резины, бумаги графленной, столик, промокашку... Кроме Кернера, пришли мне еще том энциклопедии со словом «Россия».

Потрудись, пожалуйста, разыскать ящичек с пучками колосьев пшеницы и прислать мне. Юрий⁴, вероятно, сможет его найти. Пусть Юрий посмотрит журналы, выпишет, каких номеров не хватает, и напишет в редакцию, чтобы их дослали.

Не думаю, чтобы у тебя было время этим заняться, но если бы нашлось, то желательно было бы составление карточного указателя более важных статей в журналах за 1905 год. Карточки можно взять у Т. П. Гладышевой; она же укажет, как делать выписки...»

«27.01. Милая Арочка! Письмо получил. Очень досадно, что не могу до сих пор ничем серьезным заняться. Посылаю первый том Соловьева, возврати его А. А. Терновскому с благодарностью. Мне непременно и поскорей пришли: 1) второй том энциклопедии растений; 2) том энциклопедии, где «Россия». Третий том Соловьева я передал начальнику тюрьмы, таким образом, у меня на руках остался лишь один том Соловьева. Поговори с полковником, нельзя ли мне прислать хотя бы колосья пшеницы без всяких рукописей. Заняться изучением колосьев, — казалось бы, самое тюремное занятие...»

«28.01... Вновь все о том же — книг, книг... Посылаю второй том Соловьева, который прошу с благодарностью возвратить А. Терновскому. В этом томе не хватает 221–226 страниц — в таком виде я книгу и получил. Теперь у меня только одна книга — третий том Соловьева (полагается иметь по три книги). Жду Кернера второй том и энциклопедию — «Россию». На возможность получить ботанический словарь и пшеницу, по-видимому, надежды пока нет. Будем терпеть...»

«30.01. Дорогая Арочка! Получил, наконец, рукописи и книги. Спасибо. Но колосьев пока нет. Ты повнимательней прочитай то письмо, где я указывал найти ящик с колосьями... Не хватает мне теперь стола...»

«04.02. Милая Арочка! Твой вид меня очень взволновал. Пожалуйста, успокойся, а для этого помолись и не пытайся все переустраивать... Мне пришли... руководство к употреблению счетной, или логарифмической, линейки. Этих книжек у меня две — одна без переплета. Прислать ее можно с историей Соловьева четвертой книгой, так как ее можно рассматривать как справочную, а такие полагаются свыше трех...»

«05.02... Большое спасибо за письма и за исполнение моей просьбы. Для лампы я достал абажур и в этом смысле совершенно доволен...»

«06.02... Попробуй отыскать среди моих книг в этажерке в отделе «Отчеты обществ, опытных полей и т. д.» толстую книгу,

бесплатное судопроизводство с участием выборных от народа представителей (присяжных), за упразднение сельской полиции и института крестьянских начальников, за бессловесную и всеобщую воинскую повинность со сроком действительной службы в 2 г., за введение всеобщего обязательного начального обучения детей в государственной школе. Вскоре после объявления южных уездов губернии на военном положении (23 и 31 дек. 1905) местные власти подвергли организаторов съезда репрессиям: они были арестованы, заключены в тюрьму, а позднее высланы на Север. См.: Коновалов В.В., Копылов Д.И. Вольный крестьянский съезд в Тобольске // Революция 1905–1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983.

² 400 лет Тобольску: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 93.

³ Оригиналы писем хранятся в научной библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

⁴ Сын Н. Л. Скалозубова.

ТОБОЛЬСКНИЕ ВОЕВОДЫ

го полковника А. И. Лисовского на р. Москве и занял Коломну. В 1610 был одним из наиболее активных сторонников призвания на рус. престол сына польского короля Сигизмунда III — Владислава. В 1611–12 состоял при отряде А. К. Гонсевского. В к. 1615 удален на службу в Тобольск. Способствовал становлению рус. земледелия в крае и закладке новых острогов. Инициировал правительственное решение о запрещении «мангазейского морского хода», имевшее целью пресечь попытки западноевроп. мореплавателей и рус. поморов беспощадно выво-

изданную Министерством; приблизительное название — «Свод сведений о правительственных мероприятиях на пользу сельского хозяйства в Западной Европе и Америке», без переплета. Завтра я сдаю энциклопедию и у меня останется одна книга...»

«12.02... «Благодаря» масленице (которая была для меня Великим постом) я ничего не получил из того, что просил. Работа кончена, книги прочитаны, в продолжении высылки крайне нуждаюсь...»

«26.02... Прошу по возможности в самом непродолжительном времени доставить 1000 колосьев озимой ржи, если не молочена та, которая прошлым летом росла под нашими окнами и измерением которой я занимался. В крайнем случае, с другого поля. Колосья нужны целые, не поломанные, не вымолоченные. Соломы оставлять под колосом не более одного вершка. Вязать колосья в метелки по 50 штук, так что всего будет 20 метелок...»

«01.03... Сегодня мне объявили, что 27-го дознание жандармского полковника передано генерал-губернатору и что с этого момента мое отношение к жандармскому управлению прекращается. Письма, книги теперь надо передавать через губернского прокурора... Медлительность в передаче книг ужасная...»

«03.03... Тебя попрошу по получении этого письма сходить к А. А. Терновскому и попросить, чтобы он достал следующие тома Соловьева, начиная с седьмого, а ты их перешли прокурору для передачи мне. Тома энциклопедии, о которой ты писала, я не получил. Не растерять бы книги... Да, Терновскому передай, что книги будут арестованы на тот же срок, на какой и я, ранее их возвратить не могут. Пересмотреть мои рукописи у жандармского полковника я попрошу В. А. Энгельфельда...»

Через шесть дней после последнего письма Н. Л. Скалозубов был отправлен на пять лет в Березовскую ссылку, где не прекращал заниматься научной и общественной деятельностью, и где был избран депутатом Государственной Думы. Казалось бы, «тюремная страница» жизни ученого ушла в прошлое, однако вскоре в Тобольской тюрьме произошли перемены: как считала общественность, незаконное ужесточение режима политкаторжан. На имя депутата начали поступать жалобы. В силу

**Партия ссыльных
и осужденных
при погрузке
на баржу в Тюмени**

свойственной Скалозубову гуманности и депутатского статуса он не мог не вмешаться, став невольным участником и, пожалуй, главным «арбитром» трагических тюремных событий.

Весной и летом 1907 г., после прибытия очередной партии политкаторжан, в Тобольской тюрьме установилась настоящая арестантская коммуна, предпосылки появления которой наметились еще во время заключения Скалозубова. Партийная принадлежность «коммунаров» не была принципиальной: эсеры, большевики, меньшевики и даже анархисты объединились в условиях каторги. Начальник тюрьмы А. Г. Богоявленский не смог справиться с ситуацией, арестанты запретили ему вмешиваться в «тюремные дела». Как только он попытался навести порядок, террористы вынесли ему «смертный приговор», который и был исполнен находившимися на воле единомышленниками. Новый начальник И. С. Могилев, приняв тюрьму летом 1907 г., так описал свои первые дни работы:

«Когда я получил 1-ю каторжную тюрьму, то обнаружил: камеры были открыты, арестанты свободно разгуливали по тюрьме; подкандальников никто не имел, стены камер были увешаны сотнями фотографических карточек всяких революционных деятелей; арестанты не стеснялись петь, шуметь, играть в карты и шашки в нашем присутствии, икон не было — таковые уничтожались; на каждом шагу каждый арестант предъявлял свои и общие требования. В арестантах видны были хозяева тюрьмы. Я высказался, что этот порядок содержания невозможен, и на второй день в длинном тюремном коридоре меня окружили толпой не менее 200 арестантов и начали очень дерзко предъявлять свои требования, в случае неисполнения которых со мной будет поступлено как с Богоявленским (смерть). Требования таковые:

1) Кандалы носить никто не будет, т. к. они не звери и не лошади.

2) Прогулка должна быть общая по всей тюрьме и ее усадьбе.

3) Товарищей не наказывать, т. к. проступки их разберут сами и накажут по заслугам. У них есть (было) самоуправление — камерные старосты, коридорный староста и тюремный староста. Стоит начальнику теперь заявить о проступке арестанта старосте — и тогда товарищи разберутся.

Я отказался и заявил, что кандалы носить будут все, прогулки не более 40 человек на двор (дворов 5), наказывать арестантов буду сам в соответствии с законом. Немедленно начались беспорядки: крики, свисты, гам, пение революционных песен. Затем надзирателей выгнали из коридора, и они боялись заходить внутрь камер и коридора. Молиться богу никому не позволяли, иконы были уже уничтожены. Больница была переполнена буйными-симулянтами, врачи и фельдшер подчинились требованиям арестантов, нередко рецепты прописывались по их требованиям и указаниям. Каждый день мне предъявляли по 10 новых требований»⁵.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

зять сиб. пушнину через Обскую губу и Карское море. Сыграл бол. роль в колонизации Вост. Сибири. После возвращения из Тобольска находился в опале до конца жизни. Лит.: Лобанов-Ростовский А. Б. Рус. родословная книга. 2-е изд. СПб. 1895. Т. 1; Дворянские роды Рос империи. СПб. 1995. Т. 2. С. 59–64; Бранзбург Л. А. И. С. Куракин — первый боярин на Тобольском воеводстве // Тобольский ист. сб. Тобольск, 1997. Вып. 2. Ч. 2. С. 52–55; Коньков Н. Л. Тобольские воеводы к. XVI — нач. XVII в. М., 2001.

В. В. Коновалов

⁵ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 28.

Дмитрий Тахчогло
(слева)

⁶ Там же. Л. 46.

⁷ Тахчогло Дмитрий Дмитриевич (1887, Херсон — ?), революционер. Член РСДРП. Из дворян. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Участвовал в революционном движении с 1896 г. Арестован 1 мая 1905 г.; при аресте оказал вооруженное сопротивление, ранив полицейского пристава. 4 сент. 1905 г. военным окружным судом в Екатеринославе приговорен к смертной казни, замененной 15-летней каторгой. Отправлен в Тобольскую каторжную тюрьму. В 1910 как не подчинившийся режиму переведен на Нерчинскую каторгу, затем в Александровский централ. Срок заключения окончил в 1914 г. Примкнул к меньшевикам. В 1920-е гг. — беспартийный, член Общества политкаторжан. По сведениям общества «Мемориал», в конце 1930-х был репрессирован и погиб в лагере (прим. ред.).

Начальник ответил жестко: несколько арестантов были выпороты розгами, затем — еще раз. После такого начала, независимо от того, пошел бы Могилев в дальнейшем на компромисс или нет, его судьба была предreshена: смерть, что вскоре и было исполнено террористами. Однако вначале предполагалось раздавить врага морально. Так было сделано и с предшествующим начальником — Богоявленским, который перед смертью был лишен возможности контролировать тюрьму и даже начал заискивать перед осужденными. Так случилось и с надзирателем, к своему несчастью носившим фамилию Романов. В 1907 г., перед вынесением ему смертного «приговора» (из-за фамилии), политкаторжане устроили настоящую «психическую атаку». Они писали товарищам в Смоленск: «...15 сентября был принят относительно старшего надзирателя Романова «кошачий концерт», который до вечернего чая был сыгран 7 раз: «Восплачь, канцелярист, побойся, секретарь. Надсмотрщик, возрыдай, и вся приказна тварь...» и т. д. На поверке концерт давался в восьмой раз. Затем Романову был вынесен смертный приговор»⁶.

Новая жертва — начальник Могилев — оказался противником сильным, способным «скрутить каторгу в бараний рог» (по выражению самих арестантов), следовательно, и психологическое давление на него должно было быть соответствующим. Харизматическим лидером политкаторжан был Дмитрий Тахчогло⁷, брат которого, полковник Сергей Тахчогло, был знаком с Н. Л. Скалозубовым по деятельности в Государственной Думе. Зная, что Николай Лукич — бывший политзаключенный, а теперь — известный правозащитник, политик и депутат, арестант Тахчогло решил использовать знакомство брата для организации наступления на начальника тюрьмы. Началось создание «дела Могилева».

Впрочем, оснований для этого дела было предостаточно. Могилев для наведения порядка в тюрьме не выходил за пределы закона, однако сам закон уже перестал соответствовать понятию справедливости в глазах российского общества. Жесткость принятых Могилевым законных мер легко расценивалась как произвол начальника. Однако для надежности обвинения и для привлечения на свою сторону депутата Скалозубова арестанты решились пойти на крайние меры. Их лидер Тахчогло трижды демонстративно покушался на собственную жизнь, затем его примеру последовали другие члены тюремной коммуны.

Поводом для первой попытки суицида стала насильственная стрижка Тахчогло с помощью трех цирюльников и пяти надзира-

Партия заключенных

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

14. бояр. **Годунов Матвей Михайлович** (1620–1623), **Годунов Матвей Михайлович** (?–1639), боярин (1603), томенский (1606–16) и тобольский (1620–23) воевода. Из костромских помещиков. Родственник царя Бориса Годунова. Впервые упоминается как стольник в боярском списке 1588/89. Зимой 1589/90 во время шведского похода был есаулом в государевом полку. В 1598 был назначен «дядькой» царевича Федора Борисовича Годунова. В том же году — стольник в государевом полку в походе на крымских татар. Был пожалован в окольные (1598), а затем — в бояре (1603). При Лжедмитрии I оказался в опале. В янв. 1606 был отправлен самозванцем на воеводство в Тюмень, где продолжал служить при Василии Шуйском и Михаиле Романове. Активно боролся с набегами на рус. поселения

телей, которые держали его за голову, руки и ноги (добровольно он стричься отказался, предпочитая носить волосы до плеч). После этой процедуры Тахчогло выкрикнул в форточку: «Прощайте, товарищи, последнюю минуту живу!» — и вскрыл себе вену.

Тюремный врач Дунаев свидетельствовал, что на все уговоры принимать пищу и лекарства Тахчогло, помещенный в тюремный лазарет, отвечал: «Я не мальчик и не сумасшедший, чтобы меня уговаривать. Я так решил и имею достаточно силы воли и характера, поэтому прошу не усердствовать. Это ни к чему не приведет, и все это лишнее, т. к. через известное время придется вновь повторить то же самое... Я упрям и настойчив, что решил, то и выполню. Вы видите, что передо мной находятся и молоко, и вода, но у меня хватает сил не поддаваться этому соблазну, и это мне приходится делать не в первый раз...»⁸

Тахчогло согласился принимать пищу и лекарства только на десятый день, когда понял, что находится на грани смерти. Через два месяца его выписали из больницы, но, пробыв в своей камере только сутки, он совершил новую, более серьезную, попытку самоубийства с последующей голодовкой. А после очередного возвращения из лазарета арестант пожелал быть наказанным: потребовал от Могилева дать ему 200 розог и поместить в тесный карцер, угрожая, что в противном случае действительно покончит с собой. Начальник отказал, и Тахчогло вскрыл вену в третий раз.

Из-за стен тюремного замка в революционную и либеральную печать начала проникать информация о вопиющих издевательствах Могилева над арестантами. Среди обвинений фигурировали «горячий» (с температурой выше +50 градусов) и «горбатый» (с низким потолком) карцеры, наличие которых, впрочем, не было подтверждено другими свидетельствами, строительной документацией и более поздними осмотрами замка. Печать пестрила заметками и статьями о телесных наказаниях, о том, что Могилев пытается арестантов, морит их голодом, в результате чего в тюрьме систематическими стали попытки суицида — до двадцати в течение года (кстати, ни одной удачной). Чаще всего в

⁸ Там же. Д. 236. Л. 125.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

«Кучумовых царевичей» и калмыков, в марте и июне 1607 организовал походы казачьих отрядов на р. Ишим, в результате к-рых «кучумовичи» были разбиты. В 1618–19 упоминался как боярин «на Москве» и наместник Ржевский. Будучи тобольским воеводой, вступил в конфликт с первым сиб. архиепископом Киприаном, к-рый добился прибытия из Москвы следств. комиссии для разбора дела о злоупотреблениях сиб. воевод. После возвращения в Москву находился «у приказных и монастырских дел» в Монастырском приказе, был судьей Сыскного приказа (1628–31). В 1632–34 — воевода в Казани. В 1630-е неоднократно упоминался как боярин за царскими столами и на приемах иностр. послов. Лит.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 200. Т. 2. С. 35–37; Власть в Сибири XVI – нач. XX в. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 164–165.

В. В. Коновалов

печати фигурировали страдания Тахчогло. Тобольск был взбодражен. Личные жалобы Тахчогло своему брату довершили дело, и по просьбе последнего за арестантов заступился Н. Л. Скалозубов.

Забегая вперед, можно сказать, что план заключенных по дискредитации Могилева вполне удался: имя начальника Тобольской тюрьмы как «могильщика» политкаторжан впоследствии стало широко известно в стране, оно фигурировало в документах Государственной Думы, попало в зарубежную либеральную печать. Данный вопрос рассматривался лично председателем Совета министров П. А. Столыпиным. По приказу начальника Главного тюремного управления тюрьма подверглась нескольким проверкам, ее посетили представители международной общественности, в том числе шведский композитор В. Гартевельд. А началось все с приезда из Одессы брата Тахчогло и двух бесед Скалозубова с Могилевым в Тобольске по поводу тюремного режима.

Полковник, либерал, дворянин Сергей Тахчогло, зная характер и личность брата, после встречи с ним смог трезво оценить противоречивую ситуацию, что достаточно ясно отражено в его письме начальнику тюрьмы: «Милостивый государь Иван Семенович! Прошу простить, что не имею возможности лично поблагодарить за любезность, оказанную мне во время моего пребывания в Тобольске. Принося глубокую благодарность, я надеюсь, что Ваши недюжинные административные способности найдут возможным примирить непримиримое, а льгота, данная Вами брату (снятие кандалов), поддержав расстроенное здоровье, заставит его благополучно закончить все сроки и избежать новых осложнений. Думаю, что Ваш административный такт заставит брата смирить свои нервные проявления...»⁹ В дальнейшем его усилия были направлены исключительно на организацию помилования брата, а о нарушениях закона Могилевым он говорить перестал.

Несколько иные отношения сложились у начальника тюрьмы с Н. Л. Скалозубовым. Для Могилева Николай Лукич был прежде всего бывшим политзаключенным, товарищи и единомышленники которого за последние полтора года превратили его жизнь в ад. В свою очередь, Скалозубов, проведя семь недель заключения в этой же тюрьме (Могилев в то время служил начальником соседнего тюремного отделения), вряд ли мог оставаться спокойным и рассудительным, когда речь шла об издевательствах над политкаторжанами. Таким образом, между начальником и депутатом сложились отношения взаимной неприязни.

Каторжники

⁹ Там же. Д. 238. Л. 3.

Кульминацией этих отношений был отказ Могилева пустить Николая Лукича на территорию тюрьмы, когда последний дважды пытался встретиться с Тахчогло. Это стало главной ошибкой начальника, так как Скалозубов не имел возможности убедиться, что нет ни «горячего», ни «горбатого» карцеров, что над Тахчогло не издеваются, а с помощью усиленного питания и лечения месяцами выхаживают в госпитале после демонстративных попыток суицида. Поэтому Скалозубов вынужден был руководствоваться уже сложившимся общественным мнением о тюремном режиме, и в 1908 г. на нескольких страницах он подробно и очень эмоционально докладывал председателю Совета министров П. А. Столыпину о положении в Тобольской тюрьме:

«...Не было меры изобретательности Могилева, чтобы причинить наибольшие страдания, особенно политическим каторжанам. С Тахчогло были сняты подкандальники, чтобы железо кандалов могло непосредственно касаться тела. Снят был сделанный им самим кожаный пояс, на котором висели цепи от ножных кандалов; чтобы поддерживать эти цепи, ему дозволено было сделать лишь жгут из ткани, который цепи неловко натягивали. Его лишали месяцами книг для чтения, бумаги для письма. Помещали в камеру с худшими из каторжан.

Я в свой приезд в Тобольск два раза виделся с Могилевым. В первое свое свидание по просьбе приехавшего из Одессы навестить Тахчогло его брата, я осведомился о возможности снятия с Тахчогло кандалов. Выяснилось, что о снисхождении и речи быть не может. Могилев заявил, что ненавидит его как человека... В сентябре я вновь виделся с ним по поводу ходивших в городе слухов о новых репрессиях и попытках многих арестантов покончить самоубийством. Я спросил, что за причина этой эпидемии вскрытия артерий. Он ответил, что причиной является его ошибка: когда в июне арестанты порезались, их поместили в больницу и ухаживали, а их надо было жестоко выпороть...»¹⁰

Информация Скалозубова была передана в Главное тюремное управление; многочисленные проверки Тобольской тюрьмы и негативные публикации в либеральной печати продолжались все лето и осень 1908 года. Могилев пытался оправдаться, отрицая обвинения и высказывая свой взгляд на конфликт: «Через Думу Скалозубов представляет 600 каторжных исключительно в виде общества лучших безгрешных людей. Между тем в их числе только две трети не подвергались взысканиям...»

Такой же позиции придерживалось и большинство представителей власти. На письмо Н. Л. Скалозубова начальник Главного тюремного управления ответил: «На основании сведений, поступивших как от местного губернского начальства, так и прокурорского надзора, действия Могилева как смотрителя Тобольской каторжной тюрьмы должны быть признаны законными и не представляющими уклонений в сторону произвола».

Между тем общество думало по-другому. В. Гартевельд, посетивший тюрьму в разгар конфликта, с полным доверием от-

Каторжник

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

15. бояр. кн. **Сулешев Юрий Яншеевич** (1623–1625), **Сулешев Юрий Яншеевич** (?–8.03.1643, Москва), князь, боярин (1615), тобольский воевода (1623–1625). Сын крымского мурзы Сулешь-бика Джиган-шаха, перешедшего на рус. службу при царе Федоре Иоанновиче. Приняв православие, начал государеву службу при царе Борисе Годунове. В 1604 — стольник. В 1606/07 участвовал в походе против И. Болотникова. Во время Смуты служил царю Василию Шуйскому, Лжедмитрию II и королевичу Владиславу, был участником 1-го и, возможно, 2-го земских ополчений. В 1613 присутствовал на Земском соборе, избравшем

¹⁰ 400 лет Тобольску... С. 102.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

царем Михаила Романова. В 1614 был послан воеводой конной рати в поход против И. М. Заруцкого, в 1615–16 возглавлял поход против казанских татар и луговых черемисов. В 1617 — воевода в Дорогобуже, разбил отряды польских полковников Вишли и Чаплинского. В 1618 участвовал в обороне Москвы от войск королевича Владислава, но действовал неудачно и временно попал в опалу. С 1619 находился на адм. должностях: возглавлял приказ по сыску и возвращению в посад беглых, приказ по проверке старых жалованных грамот, занимался «разбором» дворян и детей боярских в Рязани и Шацке. В 1623 за свойство с противниками патриарха Филарета Салтыковыми отправлен в почетную ссылку воеводой в Тобольск. Провел в Сибири целый ряд адм. преобразований: организовал перепись нас.; установил точное соотношение «особинной» и «государевой» пашни у пашенных крестьян и перевел часть их

несся ко всем жалобам заключенных, что отразилось в его известной книге «Каторга и бродяги Сибири». Относительно некоторых описанных в ней сюжетов тюремный врач позднее с явным раздражением пояснял: «При входе г. Гартевельда в лазарет, Тахчогло, будучи уже здоровым и одетым, встал по своей инициативе, никто его не заставлял... А какие кандалы и какие раны на ногах у Тахчогло видел и мог усмотреть г. Гартевельд, не осматривая его, остается для меня совершенной загадкой и кажется поразительным и странным. Как врач, никогда не видел, чтобы на нем хоть когда-нибудь были какие-то повреждения от кандалов, а ни о каком растирании до крови и даже до кости и речи быть не может...»¹¹

Однако ни эти объяснения, ни запоздалые оправдания Могилева, ни решение начальника Главного тюремного управления, ни положительное заключение доктора медицины Г. В. Крестовского, представителя Главной медицинской инспекции России, прибывшего в Тобольск для ревизии тюрьмы в августе 1908 г. — ничто уже не могло изменить общественного мнения. Имя Могилева стало нарицательным. Позднее термин «могилевщина» проник в научные издания и закрепился в литературе советского и даже современного периодов.

К осени 1908 г. арестант Тахчогло успокоился, к суициду больше не прибегал, пищу и лечение принимал охотно, повеселел. Цель была выполнена: Могилев уничтожен морально. Как и в предшествующих случаях, теперь предполагалось уничтожение физическое: вынесение «смертного приговора» и исполнение «казни» оставшимися на воле единомышленниками, что и произошло вскоре. Революционер-террорист Н. Шишмарев, убив Могилева, после ареста покончил с собой в одной из камер Тюменской тюрьмы.

Незадолго до этого убийства Н. Л. Скалозубов, в силу собственной ему гуманности, присоединился к просьбе семьи Дмитрия Тахчогло «...об исходатайствовании помилования его или, если это будет признано невозможным, об облегчении его участи уменьшением срока наказания и переводом его на вольную команду». П. А. Столыпин в помиловании отказал, и Тахчогло позднее был переведен в другую каторжную тюрьму.

Эта запутанная история достаточно показательна. Среда политзаключенных была не просто неоднородна, она была полярно неоднородна, причем ни общество, ни правительство, ни сами политики не оказались способными определить, кто есть кто. Полярными были позиции власти и общественности. То, что одни считали законным и вполне приемлемым, другие — как Н. Л. Скалозубов — отжившим и опасным для будущего страны. Не случайно Николай Лукич подчеркивал: «Тяжелым кошмаром над жителями города Тобольска тяготеет каторжная тюрьма, находящаяся в центре города... Мирный, тихий когда-то город в ужасе от этого страшного соседства. Эта жестокость — худшая школа для мирных людей, для учащегося юношества. К каким

¹¹Тф ГАТО. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 36.

последствиям приведет это «внешкольное» обучение граждан, еще неизвестно, но что яд этой атмосферы действует на людей — несомненно». Между тем для правительства именно расширение мест заключения стало основным способом решения социальных конфликтов. Два разных мировоззрения столкнулись в этой «тюремной истории», и их непримиримость очевидна.

Личность Д. Тахчогло высветила еще один аспект политической истории России. Она показала такой характер революционных лидеров, такую бескомпромиссность, жертвенность и жесткость, что становится очевидным: в столкновении с этой силой императорская Россия, как и республиканская — февраля 1917 г., была обречена. Тюремь не только оказались бессильны сломить революционный дух, а наоборот, его закаляли. Революционное мировоззрение требовало практического выхода, что в конечном итоге и произошло в октябре 1917 года.

Н. А. Жукова

«ПОЛИТИЧЕСКОГО БРОЖЕНИЯ НЕ ЗАМЕТНО...»

(Тобольская губерния глазами полицейских исправников)

Российская империя в начале XX столетия в политическом отношении напоминала огромный пчелиный рой. Раздираемое противоречиями общество только чисто внешне напоминало целостный организм. Стоило поднести к этому жужжащему клубку палку, как, несмотря на отчаянное противодействие власти, рой взрывался — революциями 1905–1907 гг. и 1917 года. Более спокойной в данном отношении оставалась сибирская глубинка, но и здесь готовилась почва для массового недовольства, в результате которого 300-летняя романовская монархия рухнула и в этом захолустье в одночасье, не встретив никакого сочувствия у сибиряков.

В провинции за благонадежностью и настроением населения издавна тщательно следила местная администрация. «Глазами» и «ушами» начальников губерний были уездные полицейские исправники. Они-то и собирали информацию с подведомственных им территорий для составления ежегодных губернаторских обзоров общественно-политической жизни российских городов и уездов. Все обзоры под грифами «доверительно» либо «секретно» стекались в конечном итоге в Министерство внутренних дел для анализа и дальнейших действий правительства.

Тобольская полицейская и основанная на ней губернаторская «политическая аналитика» представляет собой любопытнейшие документы эпохи. Но интересны они не только и не столько анализом состояния провинциального рос-

Ишим
Богоявленский собор